

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Ивановой Натальи Александровны

«Наука как социальная практика и ее габитуальное основание»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук

по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания

в диссертационный совет Д. 212.267.01, созданный на базе

**федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования**

«Национальный исследовательский

Томский государственный университет»

Актуальность диссертации Н. А. Ивановой не вызывает сомнения в связи со следующими обстоятельствами. Существование современного общества в значительной мере зависит от развития наук. Сегодня практически невозможно указать сферу человеческой деятельности, которая могла бы обойтись без использования научного знания. В свое время возрастающее влияние науки на жизнедеятельность людей сделало необходимой постановку вопросов: Что такое наука? Какова ее специфика? Стремление ответить на эти вопросы и общий предмет изучения – наука – привели философию к созданию методологических подходов, предлагающих различные критерии демаркации науки от ненаучных форм деятельности (верифицируемость, фальсифицируемость, парадигмальность, наличие специального языка). Однако каждый из указанных критериев имеет свои ограничения, так как всегда найдутся случаи, для которых данные критерии будут бессильны. Кроме того, если в классической парадигме научное знание не обладало социальными характеристиками, то затем произошло понимание невозможности игнорировать присутствие человеческой деятельности в процессе производства научного знания. В настоящее время в лице социальной эпистемологии констатируется, что социальные и когнитивные аспекты взаимно определяют друг друга. Это означает, что рассмотрение науки как социального феномена порождает вопросы: Какова социальная природа науки? Чем характеризуется наука как социальный феномен? Каково ее субъектное основание? Решению этих вопросов и посвящено диссертационное исследование Н. А. Ивановой, в котором идея научных практик позволяет в явном виде зафиксировать очевидную сегодня для любого специалиста неразрывную взаимосвязь научно-познавательного и социального.

Если исходить из того, что любая концептуализация предполагает не только выявление существенных признаков изучаемого предмета, но и

представление об истории его формирования, то оба эти аспекта присутствуют в исследовании Н. А. Ивановой, где, во-первых, рассматриваются контексты обращения к понятиям «социальная» и «научная» практики, во-вторых, смысл трактовки науки как социальной практики раскрывается через выявление совокупности предикатов, которыми научная практика обладает.

Выбор объекта, предмета, формулировка цели и задач соответствуют теме диссертации, обладают внутренней логикой и новизной. Методология диссертационного исследования Н. А. Ивановой характеризуется ярко выраженным стремлением выйти за рамки монодисциплинарной традиции в область междисциплинарности, желанием осуществить рецепцию концептуальных схем и понятий современной социально-гуманитарной науки в область социальной эпистемологии. Библиографическая база исследования соответствует актуальному состоянию философского и социально-гуманитарного знания.

Структура и содержание работы. В соответствии с заявленной целью и сформулированными задачами работа содержит четыре главы, в которых последовательно обосновываются положения, выносимые на защиту. В *первой главе* «Теоретико-методологические основания изучения социальности науки» в соответствии с названием формирующейся в настоящее время новой формы неклассической эпистемологии (социальной эпистемологии), указывающей одновременно на два референта (общество и знание), утверждается необходимость их взаимного определения и понимания друг через друга. Н. А. Иванова выявляет три основания, позволяющие определить науку как форму социальной практики. Во-первых, это современная социальная теория, которая под очевидным влиянием марксистской традиции трактует социальную реальность как единство субъективных действий (деятельности) и объективных структур и фиксирует это неразрывное переплетение с помощью понятия «социальные практики». Во-вторых, это социальные исследования научных лабораторий, которые показывают, *как* научное знание конструируется в научных практиках – процессе взаимодействия различных факторов (природы, людей, приборов, текстов). Третьим основанием выступает современная трактовка науки как системы материального производства, включающего исходные материалы, которые подлежат селекции, лабораторные устройства записи, инструментарий, образцы и т. п. Общий вывод, который делает диссертант из анализа ведущих тенденций современной социальной науки (который сам по себе представляется инновационным), гласит, что наука может и должна быть проанализирована не только в институциональном аспекте или в

форме результатов познавательной деятельности, но и как социальная практика – конструктивный процесс, включающий в себя взаимосвязанное единство действий, структур и материальных «агентов». Обращение к понятию «социальные практики» при анализе науки позволяет подчеркнуть, что, с одной стороны, науку осуществляет человек, принадлежащий к определенной общественной структуре, которая определяет виды и формы познавательной деятельности. С другой, именно субъект выступает источником формирования научных норм, стандартов и инноваций, благодаря чему преодолевается установка на безличный характер научной деятельности.

Во второй главе «Наука как социальная практик» диссертантом предлагается рассматривать марксистское понятия «практика» не как критерий истинности знания или предметно-чувственную деятельность, направленную на преобразование природы и общества, а как основу концептуализации науки, что предполагает широкую трактовку социальных практик как процесса хабитуализации действий, обеспечивающего единство субъективного и объективного (С. 99-100). Не противопоставляя свое понимание науки деятельностному подходу, Н. А. Иванова полагает, что в современных условиях нужны иные концептуальные средства, позволяющие объяснить и описать социальную природу науки. Если в рамках деятельностного подхода наука наряду с другими формами деятельности характеризуется целенаправленностью, продуманностью и субъект-объектной структурой, а ее специфика усматривается в выработке объективного знания и выявлении закономерностей, то в исследовании Н. А. Ивановой к особенностям научной практик относится повседневность, что предлагает отказ от противопоставления неповседневных (специализированных) и повседневных форм жизни как разных онтологических структур, и утверждение, что все типы опыта имеют повседневное измерение, проявляющееся в типизации, рутинизации и ритуализации. Это означает, что, во-первых, ученый лишается привилегированной позиции, так как выступает участником социальной жизни, во-вторых, сами социальные формы жизни не следует рассматривать как более истинные (высокие) или неистинные (низкие). Тот факт, что научная деятельность не всегда вербализируется и зачастую передается в виде рекомендаций «делай как я», позволяет Н. А. Ивановой утверждать, что научная практика имеет фоновый характер. В исследовании Н.А. Ивановой положение о социальной природе науки оказывается совместимым с представлением о телесной детерминации сознания и познания, являющимся центральным в телесно-ориентированном подходе. Конструктивность и перформативность

научной практики означает, что процессы производства реальности и процессы производства научного знания взаимосвязаны, наука способна к созданию и перестройке реальности. Рефлексивность научной практики в исследовании Н. А. Ивановой оказывается двусмысленным предикатом: с одной стороны, она предполагает принятие определенных правил, норм, стандартов, с другой, сами правила и стандарты содержат в себе выборы, основанием которых выступают диспозиции. Именно осознание последних оценивается диссертантом как актуальная и необходимая задача современного анализа науки. В целом же, наиболее значимым итогом второй главы следует считать обобщение наиболее дискуссионных характеристик современной науки, ставшее возможным благодаря практической перспективе ее анализа.

В третьей главе «Габитуальное основание познания и практик» впервые в отечественной философии раскрываются содержательные значения и контексты обращения к понятию «габитус». Выявляется роль габитуальных форм в философских воззрениях Аристотеля, Монтеня, Юма, представителей прагматизма (У. Джеймс, Д. Дьюи) и феноменологии (Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти), а также современных авторов (И. Т. Касавин, Б. Г. Гутнер). Обращение к идее габитуса в социальной теории представляется более исследованной, однако интересен обзор рецепций этого понятия в современной социально-гуманитарной науке. Хотя, возможно, он мог бы быть более полным. Параграф, посвященный воззрениям П. Бурдьё, доказывает иллюзорность представлений о науке как хорошо интегрированной системе и ученом как носителе объективных истин. Однако критический анализ научной практики направлен не столько на дискредитацию науки, сколько на учет всех ее оснований и предпосылок. В этом отношении понятие «габитус» в оценках диссертанта выступает средством преодоления сложившихся оппозиций (свободы и детерминизма, индивидуального и коллективного, сознательного и бессознательного, социального и когнитивного). Представляя собой систему предпочтений и склонностей, габитус, с одной стороны, является результатом инкорпорирования социальных структур, с другой, сами социальные структуры существуют постольку, поскольку агенты выполняют работу по воспроизведению определенных схем восприятия, представления, мышления и оценивания, сохраняя тем самым те или иные социальные практики.

В четвертой главе «Габитуальное основание научной практики» обоснована необходимость введения в философский анализ науки понятия «научный габитус», позволяющего углубить представление о субъектном основании науки за счет выявления когнитивных, поведенческих, ценностных и

эмоциональных диспозиций и создать целостную картину научной субъективности. Такой подход согласуется с задачей современной гносеологии – расширить понимание субъекта научной деятельности, признав, что субъектом науки выступает человек, наполненный предрассудками, эмоциями, интересами, представленный как индивидуальными, так и коллективными формами. Исходным понятием в определении научного габитуса является идея диспозиций, которая в логическом позитивизме использовалась для обозначения свойств вещей, проявляющих себя в конкретных ситуациях. С точки зрения Н. А. Ивановой все характеристики субъекта, все его предикаты (объективность, рациональность) оказываются диспозиционными, так как все они предполагают определенный контекст и активность субъекта по отношению к миру. Включенность эмоциональных диспозиций в субъектное основание науки соответствует идее русской философии о «живом знании», характеризующимся цельностью и разнообразием форм опыта.

Отдельно автор анализирует такую форму научного габитуса как лингвистическую, доказывающую невозможность сведения всех функций научного языка к обозначению, так как основные функции языка – коммуникативная и экспрессивно-оценочная, позволяющие видеть мир в определенной перспективе и в значительной мере зависящие от условий его освоения и использования. Идея «морального габитуса науки» представляется важной в связи с проблемой социальной ответственности ученых и интересом к прикладным аспектам этики, под которыми понимаются привычные поведенческие схемы, в формировании которых принимают участие социальные институты.

Работа Н. А. Ивановой может быть классифицирована как форма рациональной философии, так как в ней присутствуют базовые положения и их обоснование. А это значит, что предлагаемая трактовка науки может быть подвергнута рациональной критике. Положительно оценивая, в целом, проведенное Н. А. Ивановой исследование, сформулируем *ряд замечаний* в форме вопросов, на которые предлагаемая диссертантом концептуализация науки, с необходимостью должна дать ответ:

1. Общеизвестно, что любое корректное определение должно давать возможность отличить изучаемый объект от всего остального. В исследовании Н. А. Ивановой к основным характеристикам научной практики отнесены фоновость, повседневность, телесность и материальность и другие. Однако возникает вопрос, насколько указанные черты являются специфическими для науки? Не являются ли они справедливыми для любых форм социальных

практик (религиозных, эстетических, моральных)?

2. Насколько совместимы между собой принятие тезиса о социальной природе науки, а следовательно, утверждение субъективности и релятивности научного познания, с центральной проблемой теории познания о возможности абсолютного, так как именно стремление к абсолютному в конечном итоге вдохновляет любую форму человеческого познания?

3. Диссертант сравнивает свое понимание науки с «теорией социальных эстафет» М. А. Розова (С. 158-159). Однако в философии Розова фундаментальным является понятие «деятельность», которая формирует научную картину мира, выступает фундаментом социальных эстафет, да и познание рассматривается как особая деятельность. Возникает вопрос, в чем заключается принципиальное отличие трактовка науки как социальной практики от деятельностного подхода в анализе науки?

4. Телесный характер научной практики обосновывается принятием тезиса Е. Н. Князевой о том, что познание нагружено телесно (что и как познается, зависит от особенностей человеческого тела). Однако данный подход не учитывает способность человека выходить за пределы телесной организации. Другими словами, он игнорирует трансцендентную природу научного познания.

Сформулированные вопросы и замечания не снижают ценности проведенного Н. А. Ивановой исследования, а скорее представляют собой приглашение к дискуссии.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты способствуют модернизации философского анализа науки, а также могут востребованными в эмпирических исследованиях науки и ее субъектного основания.

В целом же предлагаемое Н. А. Ивановой понимание науки, с одной стороны, соответствует развитию современной философской мысли, требующей новых подходов в теории познания и диалога с фундаментальными идеями современной социальной теории и результатами эмпирических исследований науки, с другой, сохраняет важнейшее достижение классической марксистской гносеологии – обоснование деятельностной (действенной) природы познания, отказ от идеи «чистого» или наблюдающего сознания и рассмотрение субъекта научного познания как человека, преобразующего мир в соответствии со своими интересами и целями, которые в работе определены как диспозиции. Кроме того, проделанная Н. А. Ивановой работа вносит вклад в такое понимание социальной эпистемологии, которое имеет шанс не превратиться в разновидность частной научной дисциплины (например, формы социологии

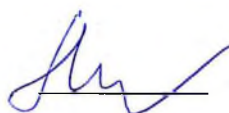
науки), а претендовать на создание фундаментальной концепции науки, подтверждая тем самым претензию философии на постановку предельных вопросов и возможность их решения. Преодоление эмпиризма и создание системы – трудная и важная задача социальной эпистемологии, которая может быть решена путем развития уже существующих подходов (в частности, деятельностного), а также создания такого образа науки, когда ее онтологическим основанием становится сфера социального.

Содержание автореферата адекватно отражает основные идеи и выводы диссертации, текст написан понятным языком и хорошо структурирован. Свидетельством научной зрелости Н. А. Ивановой является ее публикационная активность, доказывающая личный вклад в постановку и решение основной цели и задач исследования.

Диссертационное исследование Н. А. Ивановой соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям в 9-14 пунктах «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Иванова Наталья Александровна, заслуживает присуждения степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

Главный научный сотрудник Сектора социальной эпистемологии
Института философии Российской академии наук,
доктор философских наук

Александр Леонидович Никифоров

Подпись удостоверяю:

Ученый секретарь ИФ РАН

Александра Федоровна Яковлева

26.12. 2015 г.

Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел. 8 (495) 697-91-09,

[www. iph.ras.ru](http://www.iph.ras.ru), iph@iph.ras.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

Подпись
ЗАВЕРЯЮ:

Зав. отделом кадров Института
философии РАН

Никифорова Н.Н., Яковлева А.Ф.
Яковлева